

Аветисян Гаяне

Здесь цветет миндаль

I

Меня зовут Агата. Я живу в австрийском Граце с мамой, отчимом и собакой Джимми. Когда у меня плохое настроение, только Джимми терпит мои капризы, проявляя собачий интерес ко всему, что я рассказываю или откровенно сочиняю. Сочинительство – суть того, к чему я стремлюсь. Мне двадцать лет, и я мечтаю стать писателем. Еще не знаю, буду ли писать детективы или авантюрные романы, но уже вижу себя раздающей автографы. Мне нравится фантазировать и шлепать по клавишам компьютерной приставки.

Моя мама – флорист. В нашем доме много цветов, есть даже редкие сорта староанглийских роз. Отчим, которого мне позволено называть просто Дани, работает на заводе, а также волшебным образом играет на старой арфе, которая стоит в нашей гостиной. Когда мама украшает гостиную цветочной композицией, а Дани прикасается к струнам арфы, кажется, я попала в одну из тех сказок, которые читали мне в детстве.

Даниэль удочерил меня в семилетнем возрасте, и я получила фамилию Шмидт. До этого я жила в Армении и, по причине мне неизвестной, родного отца никогда не видела. Мама не любит вспоминать историю своей юности, связанную с моим появлением на свет. Она как-то призналась, что после переезда из Армении в Австрию решила начать жизнь с чистого листа, и что теперь мой отец – добрый, заботливый Дани.

Я же никогда не забывала своего детства, большую часть которого провела в Эчмиадзине. Двухэтажный каменный дом с пятью комнатами и фруктовым садом был зеркальным отражением дома, построенного еще в начале прошлого века моим прадедом в Карсе. Своего дедушку я помню плохо: он умер, когда я была совсем маленькой, и моим воспитанием занималась бабушка Гоар. Она была заботливой, готовила еду по старинным рецептам, и

по этой причине вся кладовка была забита соками, компотами, соленьями, маринадами. Бабушка готовила гозинах, алани, вишневую настойку и мою любимую пахлаву. Наш эчмиадзинский дом был уютным и теплым всегда, даже тогда, когда газ пришлось заменить на дровяную печку, а вместо лампочек горели только свечи. Я старалась подражать бабушке: гладила носовые платки, вытирала мебельную пыль и мыла кофейные чашки. По воскресеньям мы шли в церковь. Помню строгое песнопение церковного хора и горящие восковые свечи, похожие на ночных светлячков. Мое присутствие в церкви было недолгим. Я незаметно проскальзывала сквозь толпу верующих, выбегала на церковный двор и шла к основной арке, за которой начиналась ярмарка. Тут было столько интересных вещичек! Мне некуда было спешить, так как бабушка оставалась до конца службы. Я с интересом рассматривала сувениры, потом шла на голубятню. Возле голубятни собиралась детвора. Мы кормили голубей и играли в догонялки. Было очень весело.

Нашу маленькую квартиру с низкими потолками в ереванских Черемушках я тоже помню, как и тех ребятшек с которыми дружила в детском саду. Мне запомнился суп, который назывался «спас», и который здесь, в Австрии, мама почему-то не готовит. Когда наша воспитательница, Аида Ашотовна, просила нарисовать маму, папу, брата или сестренку – я рисовала только маму, пока однажды моя строгая бабушка, разозлившись, не сказала: «Какая же ты упрямая ишачка! Не иначе как в своего отца, в кого же еще?». После такого неожиданного откровения я стала пририсовывать ко всем своим рисункам маленького ослика. С тех пор ослик стал моим талисманом. У меня набралась целая коллекция самых разных ишачков, а розового ослика я ношу с собой в сумке. Маму все это сильно удивляет, мне же напоминает о тайне моего рождения.

О своем отце я знаю немного. Он учился в Эчмиадзинской духовной семинарии и был очень красив. Мама говорит, что я похожа на отца пепельным цветом волос и серыми глазами. Возможно, это и так, но у нас нет ни одной его фотографии. Когда я пытаюсь представить своего отца, передо мной

возникает один и тот же образ – высокий мужчина в черной сутане с капюшоном, похожий на одного из тех священнослужителей, которых я видела в детстве на воскресной литургии в Эчмиадзинском соборе.

II

На будущий год я собираюсь поступать в университет, и, чтобы успешно сдать экзамены, занимаюсь языками, много читаю. Дани говорит, что у меня исключительные способности к языкам и что выбор профессии на самом деле не так уж прост. Мало чего-либо хотеть, нужно еще и много трудиться. В нашей домашней библиотеке множество книг. Приключенческой литературе я предпочитаю старинный английский роман, возможно, из-за того редкого сорта роз, которые растут за моими окнами.

Мы живем спокойной, размеренной жизнью, в которой легкомыслие уступает благоразумию почти всегда. Мама заботится о здоровом рационе, Дани о спортивной форме, а я стараюсь не огорчать родителей необдуманными поступками. Даже собака Джимми придерживается всех правил, заведенных в нашем доме. Каждый год мы все вместе ездим отдыхать, чаще в Италию. Нам нравится побережье Адриатики и солнечная атмосфера этой страны. Там мы преобразуемся настолько, что становимся немного сумасшедшими, но всего лишь на время отдыха. Когда я смотрю на карнавальные маски, мне приходит в голову мысль, что люди несвободны в той мере, в какой хотелось бы, поэтому придумали все эти маски. Мне тоже хочется выбрать одну из них.

Дани и мама против любого вранья. Они с детства внушают мне мысль о том, что любая ложь вредна для того, кто лжет. Лучше сказать правду, чтобы потом не раскаяться.

Мама постоянно следит за всеми событиями, происходящими в Армении. Она находит в интернете какие-то статьи и сопереживает тому, что там происходит. Дани ко всему относится с философским спокойствием и уверяет маму, что журналисты все преувеличивают. Такая у них работа – найти то, что представляется малоинтересным и сделать сенсацию. Помню, как однажды он

спросил: «Не хотела бы ты поработать корреспондентом в какой-нибудь газете? Так начинали многие писатели». Я прислушиваюсь к советам Дани, хотя мама против. Она считает, что писательство для меня просто блажь, и нужно заняться языками, сделав карьеру лингвиста.

Когда я читаю книги об Армении, меня поражают памятники старины – монастыри, храмы, древние рукописи. Поражает сочетание пещерных гор и удивительной античной архитектуры. Если бы я осталась в Армении, возможно, стала бы археологом. Находить в горах то, что спрятано веками, представляется мне интересным.

Мой друг Лука показал старинную карту древнего мира. На ней Армения. Та Армения, которой больше нет, и которая оставила современникам тайну своего возрождения. Ее порой сравнивают с птицей Феникс. Это удивляет и радует, мне хочется увидеть свое родовое древо, связывающее меня с Армянским нагорьем. Я хочу знать, откуда тянутся мои корни. Из Араратской долины, Зангезура, Карабаха или берегов Вана?

Когда мама в очередной раз готовит пахлаву, я набираюсь смелости и напрашиваюсь к маме в помощницы, хотя терпеть не могу кухонную возню. Я старательно чищу орехи. Мы говорим об Армении. Когда готовишь пахлаву – это естественно, даже притворяться не нужно. Я спрашиваю о Егише. Егише – мамин двоюродный брат, художник. Его картина – «Просыпающееся утро на фоне Араратских гор» – висит в нашей гостиной. Мама говорит, что Егише очень талантлив, но вынужден продавать свои картины на городском вернисаже за гроши. «Наверное, по-прежнему стоит на вернисаже», – вздыхает мама. Мы вспоминаем бабушку, которой уже нет; ее пахлаву, ореховые трубочки, присыпанные сахарной пудрой. Мамины глаза немного увлажняются, и я спрашиваю маму, знает ли она что-нибудь о своих родовых корнях.

– О родовых корнях? – переспрашивает мама. Да, конечно. Предки по отцовской линии родом из Карса, по материнской – из Феодосии.

– Почему ты об этом спрашиваешь? – мама, кажется, что-то заподозрила.

– Карс и Феодосия? Турция и Крым? – мой голос звучит немного разочарованно.

Мама пытается заполнить существующие пробелы в моих познаниях и рассказывает о постоянных войнах из-за которых армянские корни обрывались.

– Ты ведь читала историю Армении? – спрашивает она голосом строгой учительницы.

Я киваю головой. Вид у меня как у неисправимой троечницы. Мама ждет объяснений.

– Я хотела бы нарисовать свое родовое древо. Каждый человек должен знать о своих корнях, – говорю я уверенным голосом.

Мама понимает, что говорить о моих родовых корнях – значит говорить об отце.

– Больше этого я ничего не знаю, – говорит она спокойным голосом и берет растопленный мед, чтобы залить почти готовую пахлаву.

Я иду в свою комнату и возвращаюсь с картой древнего мира.

– Откуда у тебя эта карта? – спрашивает мама.

– Это карта Луки. Он мне дал на время.

Я говорю, что свою первую книгу хотела бы написать об Армянском нагорье, и для этого мне обязательно нужно съездить в Армению. Мама удивляется еще больше.

– Об Армянском нагорье? Ты хочешь поехать в Армению? – переспрашивает она.

Мама возвращает карту, торопливо хватаясь за противень с пахлавой. Она кладет его в духовку, и кухня наполняется ароматом индийского кардамона. Я понимаю, что мама больше ничего не скажет.

В социальных сетях я разместила свою детскую фотографию с мамой. Быть может, кто-нибудь откликнется? Я отчаянно хватаюсь за любую возможность разыскать своего отца.

После разговора с мамой понятно, что мои мысли прочитаны, и теперь она взяла тайм-аут. Ей нужно время, чтобы обдумать решение, которое она примет вместе с Дани. Все серьезные решения они принимают вместе.

Кажется, обстоятельства складываются в мою пользу. Пока мама размышляет, раздается телефонный звонок, который ставит жирную точку в маминых сомнениях. Звонит мой крестный из Америки, дядя Вилли. Он собирается в Армению.

Перед отъездом в Австрию, по настоянию бабушки Гоар, меня крестили обрядом армянской апостольской церкви. Бабушка утверждала, что крестным может стать человек, воспитанный в лучших традициях нации. Она выбрала талантливого коммерсанта – дядю Вилли. По мнению бабушки, он из ничего мог сделать приличный капитал. Как это ему удавалось – оставалось для всех коммерческой тайной. После таинства обряда крещения на моей шее появилась красивая цепочка с крестиком из золота самой высшей пробы. Мои крестины отмечались с особым шиком, который также можно было отнести к одной из лучших традиций нации. Было много разной малышни. Трехъярусный торт напоминал свадебный. Маленький джаз-оркестр соревновался с веселой ашугской мелодией. Общество взрослых, дружно выпивающих, закусывающих и танцующих, не обращало на нас никакого внимания. Мы бегали по всему ресторану, заглядывая на кухню и в подсобные помещения. В результате американское кружевное платье из белого атласа с розовыми ленточками, подаренное мне крестным, в конце праздничного обеда было испачкано греческими маслинами и аккуратно замазано воздушным кремом по рекомендации пятилетней Манэ. Я очень боялась, что бабушка заметит эту кляксу и рассердится, но все обошлось, и я поверила в то, что с этого дня у меня появился настоящий ангел-хранитель. «Ангел-хранитель должен быть у всякого христианина», – говорила бабушка. Он помогает ему и доносит до отца небесного все его заветные желания.

Вопреки моим опасениям, мой отъезд в Армению решился легко. В Ереван я поеду с мамой. Мама останется со мной всего на недельку, потом вернется в

Грац. Наша поездка запланирована на май. Я бы хотела съездить летом, но мама говорит, что Армению нужно увидеть цветущей, и что месяц май для этого самый подходящий.

Старинные английские романы начисто забыты, и мой мозг старательно впитывает только информацию об Армении. С мамой я стараюсь говорить на армянском. Она постоянно исправляет мой, как она считает, неприличный акцент. Я не отчаиваюсь и ухожу к Джимми. Он не делает мне никаких замечаний. Настоящий друг, такой же преданный, как Амелия и Лука. Мы дружим с самого первого дня, как только я появилась в Граце. Моя застенчивость и незнание немецкого их несколько не смутило. Они быстро подружились со мной, и теперь Лука говорит, что у меня безупречный немецкий. Как только он узнал, что я собираюсь в Армению, сразу же сказал: – Я видел фильм об Армении. Там красивые горы, и там цветет розовый миндаль.

– И это все, что ты можешь рассказать? – спрашивает Амелия немного вызывающе, но при этом осторожно, так как Лука очень начитан. Он собирает древние карты и копается в античной истории.

Лука смотрит на Амелию пристально.

– Нет, не все. В античности армянские воины побеждали римлян. Тебе об этом ничего неизвестно? – обращается он к ней, и в его глазах появляется искорка лукавства.

Амелия смеется. Она догадывается, что Лука провоцирует ее на спор. Итальянская бабушка Амелии живет в Риме, но даже это обстоятельство не вызывает в ней любопытства к тому, о чем говорит Лука. Ей абсолютно безразличны римские войны. Ее поверхностные знания римской истории могли бы уместиться на страничке с размером в маленькую пиццу, которую она предпочитает всем радостям жизни и считает, что кулинарные рецепты – лучшее, что могли оставить римляне своим преемникам.

Я же думаю о той Армении, где красивые горы и розовый миндаль.

III

В Ереван мы летим ночью, и я ничего не могу разглядеть через толстое стекло иллюминатора. Во время посадки стали появляться тусклые очертания горного ландшафта зданий, мерцающие огоньки города. Мы оказались в новом международном терминале, построенном по европейскому образцу с очень красивым современным дизайном. Вокруг нас тихо, спокойно, никакой суеты. Мы получаем багаж и спускаемся к автостоянке. Нас никто не встречает, так как мама никого не предупредила. Мы останавливаем такси и отправляемся в Эчмиадзин.

– Давно не были в Армении? Откуда приехали? – спрашивает водитель.

Он смотрит дружелюбно, будто знает нас давно.

– Из Австрии, – отвечает мама.

– Ты говоришь по-армянски?

Этот вопрос адресован мне. Я киваю головой: «Да, конечно, я ведь армянка».

Мои слова на армянском звучат подчеркнуто важно. Мама улыбается – прежде ей не приходилось слышать от меня ничего подобного.

Водитель оказался разговорчивым. Всю дорогу, пока мы ехали в Эчмиадзин, он рассказывал об Армении, Карабахе, об армянском спюрке.

– Будущее Армении как густой туман, закрывающий горы. Не знаешь, разойдется ли, – произносит он с грустью.

Сравнение с густым туманом мне нравится. Я запоминаю его для своей будущей книги, одна из глав которой вырисовывается по дороге в Эчмиадзин.

Возле нашего дома таксист протягивает нам визитку.

– Возьмите, если нужна будет машина – обращайтесь. Я отвезу вас в любой уголок Армении.

Последующая неделя становится неделей встреч со всеми, кто знал маму и помнил меня маленькой. Мы гуляем по новым кварталам Еревана. Встречаемся с Егише, который так и остался стоять на вернисаже вместе со своими картинами, будто время для него остановилось. В маленьком кафе рядом с вернисажем мы едим лаамаджу(мясные лепешки) и пьем сухое белое

вино. Егише все время что-то рассказывает, шутит. Машины глаза блестят то ли от выпитого вина, то ли от воспоминаний, подогреваемых солнечным светом весеннего дня. Я смотрю на Егише и думаю об отце. Знал ли он его? Был ли знаком? Я притворяюсь, что мне безразлично, о чем они говорят, и со скучающим видом разглядываю прохожих. На самом деле ловлю каждое слово и не слышу даже намека на забытую всеми историю моей мамы.

В монастырь Хор Вирап мы отправляемся вместе с маминной подругой Сатик. Тетя Сатик и мама дружат еще со школы. Они все равно, что родственные души – мама говорит, что у них нет тайн друг от друга. Тетя Сатик живет в Эчмиадзине совсем рядом, на соседней улице, и работает в городском архиве. Мама, судя по всему, возлагает большие надежды не только на дядю Вилли, но и на тетю Сатик. Надежный тыл мне обеспечен.

Возле монастыря, в мрачном подземелье которого по преданию томился Григорий Просветитель, я делаю несколько зарисовок Арарата, до которого рукой подать. Вид на гору великолепен, но меня удивляет пустынный пейзаж: серо-бурая выжженная земля и безлесая холмистость у подножья горы по другую сторону колючей проволоки приграничья. Все это никак не сочетается с прекрасной легендой о Ное. Хочется увидеть чудесную картинку с пронзительно-сарьяновскими красками. Кажется, Арарат все еще ждет, все еще надеется на возвращение армянских абрикосовых садов...

Наша квартира в ереванских Черемушках продана; и после прогулок мы возвращаемся в эчмиадзинский дом, который мама называет тихой гаванью. Здесь действительно безлюдно. Редко какая машина проезжает мимо нашего дома.

Проходя возле старой развалюхи, мама обращает внимание на нищего старика, который сидит рядом с жестяной из-под консервов. Бросив несколько монет в жестянку, она здоровается.

– Бог добр, бог милосерден, – бормочет старик. – Кто этот старик? – спрашиваю я.

– Это Овсеп. Когда-то был церковным сторожем.

Возле церкви я встречаю Ани. Помню, она была немного озорной, похожей на мальчишку. Повзрослев, Ани нисколько не изменилась. Короткая стрижка, потертые джинсы, футболка. Ани работает в туристической фирме. Она приглашает меня поехать по Армении, рассказывает об интересных туристических маршрутах. Меня радует ее приглашение как вероятная возможность не только посмотреть Армению, но и на какое-то время выйти из-под опеки дяди Вилли и тети Сатик.

Дядя Вилли прилетел из Америки и уже дважды посылал за нами машину. Он совсем не изменился: такой же щедрый, энергичный. Сняв домик в Дилижане, он устраивает шашлычные пикники в чудных садах Агарцина. Его дочь Манэ, та самая пятилетняя девочка, которая оказалась самой смысленной на моих крестинах, готовится к замужеству. Ей восемнадцать, жених, Арман, постарше. Арман соответствует абсолютно всем критериям завидного жениха – хорош собой, образован, воспитан, богат. Его родители относятся к Манэ как к родной дочери. По-моему, дядя Вилли счастлив. Он спрашивает, не собираюсь ли я замуж. Я отвечаю, что даже не думаю об этом и пока что собираюсь поступать в университет. «Похвально, похвально, – говорит дядя, обращаясь к маме. – Нара, какая серьезная у меня крестница».

Мама улыбается. Она смотрит на Манэ с удивительной нежностью, будто вспоминает свои восемнадцать лет...

В моем блокноте появляются первые пометки для будущей книги, но главное, ради чего я приехала в Армению, остается по-прежнему тайной. Никто не спрашивает маму о моем родном отце. Возле храма, духовной семинарии или в городском сквере я всматриваюсь в строгие лица священнослужителей, торопливо проходящих мимо. Как только мама отправляется в аэропорт – я переворачиваю все вверх дном. Я похожа на отчаявшегося преступника в поисках потерянной улики. Я с жадным любопытством рассматриваю семейные фотографии. Среди них множество незнакомых лиц. Каждую фотографию я переворачиваю в надежде увидеть хоть какую-нибудь запись на обратной стороне. Среди этих фотографий я ищу только одну – высокого

красивого мужчину в черной сутане с капюшоном. Ищу и не нахожу, как и не нахожу ни одного отзыва на свою фотографию в интернете. Я начинаю сомневаться в том, что похожа на отца пепельным цветом волос и серыми глазами.

IV

Ани приглашает меня на юг Армении. Это не только поездка на все дорожнике, но и коротенькие велоэкскурсии. Я обожаю ездить на велосипеде, поэтому соглашаюсь не раздумывая. Нас четверо. Господин Вагнер из Германии, Ани, водитель и я. Вагнер – историк. Когда он узнал о сенсационных раскопках, ему захотелось увидеть сохранившиеся следы древней цивилизации. Он много читал об Армении, но никогда здесь не был. Первая остановка – озеро Севан. Его мы объезжаем на велосипедах, любясь синей гладью воды, белыми чайками и сосновым лесом. Кататься на Севане одно удовольствие. Особенно с утра, когда солнце только выходит из-за гор. Потом мы пересаживаемся в машину и едем в Ехегнадзор. Я делаю зарисовки в своем блокноте, чтобы ничего не пропустить. Мы проезжаем Селимский перевал. Внизу цветочная долина, покрытая нежными весенними цветами. Это Великий шелковый путь, который когда-то проходил через Армению. Хочется превратиться в одну из птиц древности, сопровождающих нагруженные шелками караваны верблюдов, и полететь... Верблюды на рисунке получаются не ахти какие, а вот караван – сарай с гербом рода Орбелянов, по-моему, удался.

Маршрут необычен. Ани показывает нам забытые глухие места, которые теряются во времени. Дорога все время сворачивает от основной трассы, и мы оказываемся в непроходимых зарослях. Кажется, здесь тупик. Но эти ощущения обманчивы. Впереди, буквально через несколько метров, открывается потрясающий вид на возвышенность, куда надо взобраться по крутой тропинке, чтобы прикоснуться к старой полуразрушенной часовне или средневековому храму. Виноградники сменяются табачными плантациями,

абрикосовые сады – яблоневыми. Нас удивляет контрастность пейзажей. В мозаике Армянского нагорья не всегда преобладает зеленый цвет. Цветущие долины неожиданным образом обрываются отвесными обрывами и скалами. Мы проезжаем размытые контуры старинных городов, ищем родник или речку, чтобы передохнуть и посидеть в тени вековых деревьев. Здесь не только прохладно, но и очень тихо. Ани рассказывает историю княжества Орбелянов. Я выступаю в роли переводчика для господина Вагнера. В лесной тишине кажется слышен цокот копыт приближающейся конницы царской свиты...

До Татевского монастыря добираемся по канатке. Мы летим над пропастью всего двенадцать минут и попадаем в средневековый монастырь. Господин Вагнер, кажется, впечатлен. Армению можно объездить всего за несколько дней, но рассказ о ней становится бесконечным. Возле хачкаров трудно подобрать слова. Как объяснить, что такое армянский крест-камень? Это так же невозможно, как и найти объяснение армянской миниатюрной живописи. Кажется, в них присутствует незримая чудотворность древности.

Во дворе монастыря я замечаю двух священников. Я всматриваюсь в их лица с надеждой увидеть высокого сероглазого мужчину в черной сутане с капюшоном. Всякий раз, когда я оказываюсь возле храма и вижу священнослужителей, я незаметно, исподволь начинаю их разглядывать.

После трехдневного путешествия по югу Армении, я возвращаюсь обратно в «тихую гавань». Я рассматриваю зарисовки на страничках своего блокнота. Вот цветущее миндальное дерево, одиноко стоящее над обрывом. Дерево покрыто нежно-розовыми цветками, пахнущими миндалем. По преданию оно выросло из косточки, принесенной ветром откуда-то издалека. Ветер рассказало лесной фее, которая ночью появляется возле дерева, а наутро исчезает с цветком миндаля.

V

Я решаюсь подойти к церковному сторожу Овсепу и расспросить его о семинаристе, который учился здесь двадцать лет тому назад. Я называю имя и

фамилию. Старик удивленно смотрит на меня. Он всеми забыт и никому не нужен. Милостыню еще подают, но никто ни о чем не спрашивает. Все куда-то торопятся. Он долго пытается кого-то вспомнить, так долго, что я начинаю терять терпение и собираюсь уже уходить. Он, немного смущаясь, говорит:

– Я стал таким старым, что боюсь что-то перепутать. А есть ли у тебя его фотография? Лица семинаристов я помню лучше, чем имена.

– Он очень красивый, – говорю я.

– Они все красивые, доченька, все. А почему бы тебе не спросить в самой семинарии? Может быть, там тебе помогут?

– В семинарии? – переспрашиваю я.

Овсеп смотрит на меня сочувственно, он бы рад помочь, да не может вспомнить.

Я иду к Ани и рассказываю ей совершенно другую историю о семинаристе, спрашиваю, сможет ли она разузнать о нем что-нибудь в семинарии. Ани тут же звонит знакомому Айку. Тот звонит еще кому-то и говорит, что через день все разузнает. Я возвращаюсь домой и еще издали замечаю машину дяди Вилли. Он приехал, чтобы отвезти меня в Дилижан.

– Крестница, дорогая, где ты пропадаешь? Мама звонила, беспокоится. Почему не отвечаешь на звонки?

Я беру телефон и понимаю, почему тот молчит. Забыла перезарядить. Кажется, я становлюсь рассеянной.

– Садись в машину, по дороге все расскажешь.

С дядей Вилли спорить бесполезно, и я послушно сажусь в машину. По дороге рассказываю о своей поездке на Севане, но мысли мои очень далеки. Я хочу спросить крестного о том, что меня тревожит.

– Знаете, кого я случайно встретила, дядя Вилли? – перевожу я незаметно разговор.

– Кого?

– Маминого знакомого священника. Они были знакомы, когда тот учился в духовной семинарии. Не помню, как его зовут, но вы-то, наверное, знаете его.

– Священника? Нет, не припомню. Никогда не видел Нару в обществе семинаристов или каких-либо духовных лиц. Она ведь и в церковь особенно не ходила, не любила и посмеивалась над твоей бабушкой.

Дядя Вилли был искренен, и в этом я не сомневалась.

Позвонила Ани. Сказала, что среди семинаристов духовной семинарии не было ни одного с такой фамилией и именем. «Как же так?», – спрашиваю я себя и не нахожу ответа. Неужели история с моим отцом не более чем выдумка? Я совершенно запуталась. Сторож Овсеп тоже не мог его вспомнить, а дядя Вилли о нем ничего даже не слышал. Решив обратиться к тете Сатик, я придумала очередную историю, в которой разыскивался дядя моей подруги. Тетя Сатик ничуть не удивилась. Она работала в городском архиве, а потому к ней часто обращались с подобными просьбами.

На следующий день вместе с кастрюлей толмы она принесла список «подозреваемых». Но и среди них не было ни одного священника. Двоих она знала лично с самого детства. И пока мы ели толму, рассказывала о них, называя одного неудачником, другого – дебилом. Я почти ничего не слышала. Мои уши стали ватными, мне казалось, что я оглохла.

– Ты что, не слышишь, что говорю?

У тети Сатик встревоженный взгляд.

От острого взгляда ее карих глаз я мгновенно прихожу в себя.

– Скучаю по дому, – говорю я первое, что приходит мне на ум и начинаю рассказывать о староанглийских розах за окном моей спальни.

Тетя Сатик готовит кофе, ставит фрукты на стол. Я прошу ее достать саженцы миндаля. Для Луки.

– Конечно, конечно, – вздыхает она, улыбаясь.

Перед отъездом я захожу в храм, чтобы напоследок зажечь свечи. Сколько раз я загадывала свое желание в надежде на то, что мой ангел-хранитель донесет его до отца небесного. Но этого почему-то не случилось. Теперь капелька горящего воска напоминает мне прозрачную слезу. Я достаю из сумки розового ослика и оставляю его возле главного алтаря. Я поворачиваюсь,

чтобы выйти из храма, как вдруг слышу строгий голос бабушки: «Какая же ты упрямая ишачка! Не иначе как в своего отца, в кого же еще?»...